

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ КОММУНИСТА ГОРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

*Работа представлена кафедрой новейшей истории и политики России
Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова.
Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор С. А. Хубулова*

Статья посвящена социокультурной характеристике горского коммуниста первой половины 20-х гг. XX в. Рассматривается культурно-образовательный облик членов партии, а также нравственные и религиозные устои.

Ключевые слова: *культура, коммунист, коммунистическая культура.*

T. Bichegkuyev

SOCIOCULTURAL PORTRAIT OF A COMMUNIST IN THE MOUNTAIN REPUBLIC

The article is devoted to the sociocultural description of a mountainous communist of the first half of the 1920s. The cultural and educational image of party members, moral and religious standards are examined.

Key words: *culture, communist, communist culture.*

Исторический опыт свидетельствует, что развитие общества не является продуктом только волевых решений отдельных личностей, социальных групп или даже целых классов. Диапазон политического выбора всегда ограничен и определяется комплексом объективно существующих условий: уровнем экономического и социального развития, а также общей и политической культуры, т. е. тем, что называют социокультурными условиями. В этой связи социально-политическое развитие советского общества первой половины 20-х гг. XX в. нельзя рассматривать, абстрагируясь от

анализа партии большевиков, ее социального облика; культурного и образовательного уровня ее членов.

Образовательный уровень обуславливает профессиональные качества человека, является важнейшей предпосылкой способности самостоятельно и критически мыслить, адекватно оценивать сложную ситуацию и принимать правильные решения. Такая способность особенно важна в сфере управления, в том числе управления политическими, социальными и экономическими процессами. В конечном счете, это влияет на качественное состояние общества.

Коммунистическая партия после прихода к власти в России постепенно поставила все сферы государства и общества под свой жесткий контроль. Руководством партии проводилась целенаправленная политика назначения коммунистов на руководящие должности, предпочтение при этом отдавалось выходцам из рабоче-крестьянской среды. В связи с этим огромный интерес вызывает их культурно-образовательный уровень, так как от степени их компетентности и грамотности во многом зависела эффективность управления.

Базовым показателем уровня образования членов партии являлась их грамотность. При разработке переписей населения 1897, 1920, 1926 гг. «грамотными считались умеющие читать, независимо от того, умеют они писать или нет». При этом было достаточно разбирать печатные слова, хотя бы по слогам [6, с. 47].

Документы Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. свидетельствуют о том, что неграмотных членов партии было всего 5%. В реальности же эти показатели были гораздо выше.

Идеологи партии объясняли такой высокий процент грамотности тем, что в партии в большей степени представлены такие социальные группы, как рабочие и служащие, которые традиционно имеют «более высокую культурность» по сравнению с деревней. Иными словами, высокий процент грамотности стал следствием того, что большевистская партия сформировалась и действовала как партия городского типа, ее основной социальной базой являлось, главным образом, городское население [1, с. 158].

Поддерживая образ пролетарской партии, РКП(б) в первое послереволюционное десятилетие стремилась рекрутировать своих членов прежде всего в рабочей среде. Однако в 1921–1922 гг. образ пролетария оказался весьма уязвим.

После окончания Гражданской войны ряды пролетарской партии начинают пополняться в значительной мере за счет крестьянства, что, конечно же, негативно отражалось на культурно-образовательном облике партии, так как крестьянство, как правило, имело низкий

культурно-образовательный уровень. Тем самым с расширением рядов коммунистической партии за счет крестьянства процент грамотных ее членов начинает уменьшаться. Такая тенденция наблюдалась особенно на периферии с преобладанием крестьянского населения. Так, число неграмотных коммунистов в промышленных районах Центральной России достигало 1,3%; по Кавказу в целом – 17,4% [4, с. 28]; в Северной Осетии – 64,6% [подсчитано по: 17].

Такой разрыв объяснялся не только крестьянской составляющей партии, но и тем, что в промышленных районах бывшей Российской империи имелась более разветвленная система образовательных учреждений, которая охватывала больший процент населения, чем это было на окраинах [8, с. 183].

Немаловажной причиной снижения уровня грамотности в рядах партии, не только на окраинах с крестьянским населением, но и в центрально-промышленных районах России, являлся отчасти и «ленинский призыв» в партию, который, с одной стороны, восстановил доминирующее положение пролетариата в партийных рядах, с другой – привел к еще большему снижению культурно-образовательного уровня РКП(б). В результате этой политики в ряды коммунистической партии вливались десятки тысяч малограмотных, малокультурных «людей из народа». В конечном счете, общий уровень культуры и стиль управления определялся этим большинством.

Начиная с 1920-х гг. уже остро ощущалась нехватка высокообразованных и квалифицированных кадров. На руководящие должности вынужденно назначались коммунисты, не обладавшие ни должной профессиональной компетентностью, ни эрудицией, ни необходимым набором знаний, но имевшие одно неоспоримое качество – наличие партийного билета. Так, например, среди коммунистов Горской республики высшее образование имели лишь 0,8% (среди них рабочих – 7,4%, служащих – 74%), среднее – 7% (рабочих – 10,2%, служащих – 77%), начальное или неполное начальное образование – 73,4% (среди них рабочих – 44,8%, крестьян – 29%, служащих –

22,8%) [3, с. 22–23]. Это приводило к снижению культурно-нравственных устоев коммунистической партии.

Дефицит в партии высокообразованных людей, специалистов своего дела был обусловлен целым рядом причин. Во-первых, сыграли свою негативную роль идеологические установки большевиков. В доктринальном смысле большевистская партия отстаивала политические и социальные интересы российского рабочего класса, а позже и беднейшего крестьянства: «...мы не являемся ни партией профессоров, ни партией студентов, а партией рабочих и трудящихся крестьян» [2, с. 138]. С другой стороны, вступление в ряды партии большевиков людей из других социальных слоев было искусственно затруднено, так как руководство партии выступало против большого расширения своих рядов за счет непролетарских элементов. В. И. Ленин говорил по этому поводу: «Партия должна быть узкой настолько, чтобы вбирать в себя вне рабочего класса только тех выходцев из других классов, которых она имеет возможность испытать с величайшей осторожностью» [2, с. 361].

Таким образом, путь в партию для интеллигенции обставлялся рядом условий. Чтобы стать членом партии большевиков, интеллигенту необходимо было полностью и безоговорочно разделять ее идеи, «чтобы переходили на точку зрения пролетариата, а не пролетариат на их точку зрения» [7, с. 224]. Следовательно, интеллигенция заранее ставилась в жесткие рамки, когда высказывание собственного мнения не приветствовалось.

Другая причина, не способствовавшая притоку квалифицированных специалистов и управленцев из рядов интеллигенции, заключалась в низкой популярности в ее среде идей марксизма. В большей степени «старая российская интеллигенция проповедовала преимущественно европейские ценности» либерального толка. Указанные причины не способствовали популяризации идей коммунизма среди российской интеллигенции, что предопределило дальнейшую ее судьбу, роль и место в системе новой власти.

Высшее партийное руководство вполне осознавало всю сложность подобной ситуации. В. И. Ленин, выступая на XI съезде РКП(б) в марте 1922 г., говорил по этому поводу: «Надо сознать и не бояться сознать, что ответственные коммунисты в 99 из 100 не на то приставлены, к чему они сейчас пригодны, не умеют вести свое дело и должны учиться» [5, с. 135]. В связи с этим Ленин активно критиковал коммунистов за их «некультурность», но у вождя пролетариата была своеобразная трактовка этого понятия. Культурность по Ленину – это техника управления государством, экономикой [1, с. 162]. Таким образом, она рассматривалась в узком прагматическом аспекте, т. е. как наличие административного опыта и навыков.

Большевистская партия после завоевания монополии на власть изменила не только многовековую систему политической власти в России, но и культурно-нравственные устои общества с присущей ему социальной стратификацией. Коммунистическая идеология отказалась от прошлых культурных завоеваний российского общества, преподнося вместо «буржуазной культуры» «культуру пролетариата». Но переход из системы идейно-политических, социокультурных координат «царской» России в качественно иную Россию – «советскую» – оказался весьма болезненным. Ему сопротивлялись стереотипы социальных отношений, ценностные ориентации и психологические установки. В начале 1920-х гг. массовые политические и культурные ориентиры еще не вошли в личностную ценностную систему. Понятие «социализм», «пролетарская культура» воспринимались слабо в основной толще общественного сознания, так как не соотносились с реалиями повседневной жизни. Так, в политсводках Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) в ЦК отмечался низкий культурный уровень и политическое сознание горских коммунистов [12].

Так как газета в то время являлась важным событием и основным источником информации о политических, социальных и культурных событиях в стране, то степень интереса, проявленная коммунистами к периодической пе-

чати, может косвенно свидетельствовать об их заинтересованности, осведомленности, желании разбираться в актуальных вопросах текущей социально-политической жизни. В этой связи анализ культурной составляющей — «регулярное чтение газет» — позволяет сделать определенные выводы в отношении как общей, так и политической культуры определенной части коммунистов. Не будет преувеличением утверждать, что большинство грамотных членов партии не очень активно интересовались прессой, «более половины из них читали газеты от случая к случаю... Лишь 1/3 членов партии стремилась следить за теми событиями, которые освещались в прессе» [1, с. 170]. При этом нужно отметить, что коммунистов, читающих прессу регулярно, больше всего было среди руководящего звена и рабочих крупных предприятий: «В ячейке рабочих Владикавказских мастерских на 3 тыс. рабочих получается в 6 тыс. экземпляров разных газет — в среднем на каждого рабочего по 2 газеты — и все это путем подписки» [13]. Однако в представлении многих, даже грамотных членов партии, особенно сельских ячеек, «регулярное» чтение означало беглый просмотр прессы один раз в одну–две недели [9, с. 58].

Но в то же время, если сравнивать степень интереса к периодической печати, проявляемой коммунистами различных национальностей Горской республики, то «в Осетии она была выше, чем в других национальных областях, что, конечно, зависело от общего культурного уровня» [18]. Уже к осени 1924 г. в Осетии было 13 библиотек с фондом в 57 273 экземпляра, посещаемость читателей в месяц составляла 7263 человека [16].

Культурно-образовательный уровень членов партии характеризуется также их стремлением увеличить свой образовательный багаж, наращивать свой интеллектуальный потенциал. Как отмечает А. К. Соколов, «революция необычайно усилила всеобщее стремление к учебе», которое поощрялось и новым политическим режимом [14, с. 117]. Создавались советские партийные школы, рабфаки, кружки по изучению марксизма-ленинизма, а также центры по ликвидации неграмотности —

ликбезы. Так, например, в Осетии к 1925 г. насчитывалось 28 таких школ, где обучалось 396 коммунистов и 586 беспартийных [11]. И, хотя эти школы давали членам партии определенную пользу, все же полученные в процессе обучения знания были неполными, упрощенными. Поэтому качество получаемых студентами знаний в стенах этих школ не стоит переоценивать.

В то же время, рассматривая уровень интереса осетинских коммунистов из разных социальных групп к повышению своего образовательного уровня, можно увидеть, что больше всего желающих повысить свой образовательный уровень было среди руководителей разного уровня. Большую готовность учиться выразили также коммунисты, занимавшие посты в партийной иерархии: члены партийных комитетов, секретари партячеек, агитаторы, пропагандисты. Получив элементарную грамотность, определенная часть коммунистов отличалась консервативностью отношения к дальнейшей политической учебе, аргументируя это наличием большого практического стажа партийной работы. Как правило — это «старые партийцы».

Откровенное противодействие учебе оказывали коммунисты-крестьяне. Такое отношение к получению знаний и повышению своего образовательного уровня объяснялось спецификой крестьянского образа жизни — необходимостью каждодневного занятия своим хозяйством, обеспечения пропитанием своей большой семьи в труднейших экономических условиях того времени.

Кроме того, часть коммунистов-крестьян отдавала предпочтение профессиям малоквалифицированным и связанным с физическим трудом, не отягощенным умственной работой. Таким образом, интеллектуальные и культурные факторы определяли рамки познания общественно-политической действительности: чем слабее они действовали, тем более зависимыми от узкопрагматических и эгоистических мотивов становился познавательный процесс провинциального коммуниста.

Немаловажное значение при рассмотрении социокультурного уровня коммуниста имеет также проблема религиозности. На первый

взгляд, отношение коммунистов к религии не вызывает сомнения. Идеиной основой партии являлось учение К. Маркса. Поэтому коммунистическая идеология крайне негативно относилась к религии, рассматривая ее как социальный институт, противостоящий марксизму, и как средство порабощения народа. Следовательно, согласно официальной точке зрения, верующим не могло быть места в коммунистической партии. Поэтому их активно исключали из рядов партии. Но в то же время нельзя исключать вероятность того, что какая-то часть членов партии скрывала свою религиозность, опасаясь репрессий. С другой стороны, у многих членов партии, надо полагать, религия проявлялась на уровне обыденного сознания, так как религиозность была характерной, неотъемлемой чертой общественной жизни Российской империи. Так, в одном из отчетов Северо-Осетинского окружного комитета отмечались случаи высокой религиозности среди части коммунистов [10, с. 11]. И при этом, конечно же, нельзя категорически утверждать, что настроениям всех членов партии как в городе, так и деревне был присущ сверхрадикализм и желание немедленно разрушить все «до основания» и начать создавать невиданное в мировой истории общество.

Учитывая данные обстоятельства, вызывает сомнения столь быстрое и радикальное преодоление религиозных предрассудков и мировоззрения членами РКП(б) и их переход на позиции атеизма. Ведь даже во второй половине 1930-х гг., когда антирелигиозная пропаганда должна была искоренить из сознания советских людей все религиозные верования и предрассудки, влияние религии было велико: по данным статистического управления СОАССР, на конец 1930-х гг. верующими признавали себя 50% населения, 25% — колеблющиеся. Последние чаще переходили в религиозные общины, разочаровавшись в комсомоле [15, с. 94].

В этой связи можно полагать, что и в начале 1920-х гг. религиозные представления являлись частью мироощущения определенной части коммунистов. Только они существовали, как правило, не в явной, а в скрытой форме. Так, в политсводке за май 1921 г. отмечалось что вся администрация Грозчека в течение шести дней отмечала Пасху, а «секретарь коллегии Грозчека, член партии, ...венчался в церкви» [19].

Таким образом, атеистические принципы вступали в конфликт с религиозным мировоззрением некоторого числа членов РКП(б). Реальный социальный облик члена партии находился в противоречии с его желаемым официальным образом, пропагандируемым партийными органами. Объединяющая коммунистическая идея не была абсолютной доминантой сознания членов партии, в их мировоззрении существенное место занимали элементы традиционных верований и религиозности. В то же время официальный образ коммуниста не учитывал социально неоднородную структуру партии, этнорелигиозную специфику ее членов, что, конечно же, сыграло свою роль.

Итак, социокультурный уровень Горской партийной организации в первой половине 1920-х гг. был невысок. Процесс формирования кадров местных партийцев зависел от многих составляющих, в том числе от общего образовательного уровня местного населения, из числа которого пополнялись ряды РКП(б).

Нужно учитывать и психологический фактор, в основе которого лежал процесс падения старых культурных ценностей, норм и устоев и смена их новыми пролетарскими канонами, в условиях традиционной ментальности общества приведших к негативным сдвигам в ценностных установках и культурной ориентации, так как общество лишалось традиционной психологической основы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воробьев С. В. Социальный портрет коммунистов Урала начала 1920-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004.
2. Восьмая конференция РКП(б). Протоколы. М., 1961.

3. Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 г. М., 1922. Вып. 3.
4. Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 г. М., 1922. Вып. 4.
5. *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти. М., 1995. Кн. 1.
6. *Козлов В. А.* Культурная революция и крестьянство 1921–1927 гг. М., 1983.
7. *Ленин В. И.* Отношение социал-демократии к крестьянскому движению // Полн. собр. соч. Т. II.
8. *Магомедов А. Х.* Культура и быт осетинского крестьянства. Оржоникидзе, 1963.
9. *Олех Г. Л.* Партийная машина РКП(б) в начале 1920-х гг.: устройство и функционирование. Новосибирск, 1995.
10. Партработа в северной Осетии за 1924–1925 гг. Владикавказ, 1925.
11. Российский гос. архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 16. Д. 906. Л. 7.
12. РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 57. Л. 58.
13. РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 67. Л. 14.
14. *Соколов А. К.* Курс советской истории 1917–1940. М., 1999.
15. *Хубулова С. А.* Весь мир мой храм: Поликонфессиональный Владикавказ в XX в. Владикавказ, 2005.
16. Центральный гос. архив историко-партийных документов Республики Северная Осетия-Алания (далее – ЦГА ИПД РСО-А). ФП. 2. Оп. 1. Д. 24. Л. 3 об.
17. ЦГА ИПД РСО-А. ФП. 4. Оп. 1. Д. 4, 5, 6, 8.
18. ЦГА ИПД РСО-А. ФП. 4. Оп. 1. Д. 19. Л. 81.
19. ЦГА ИПД РСО-А. ФП. 205. Оп. 1. Д. 19. Л. 6–6 об.